

Светлана Хвостенко

Хвостенко Светлана Викторовна родилась 21.05.1964 в Уфе, в семье ученых. Окончила школу № 91 (ныне – лингвистическая гимназия). Работала оператором ЭВМ, училась на филологическом факультете МГУ. С 1984 г. работала в редакции газеты «Ленинец». В 1992–93 гг. жила в Петербурге. Потом ненадолго вернулась в Уфу и, спустя год, окончательно переехала в Питер. Там продолжительное время была одной из активных участниц уфимской колонии художников, поэтов, рок-музыкантов, обосновавшейся на Пушкинской, 10 в большом и старом аварийном доме, покинутом жильцами (именно оттуда стали разноситься по всей стране песни группы «ДДТ»). Успешно работает в публицистике, автор нескольких песен по мотивам трилогии Толкиена. Автор нескольких поэтических книг, изданных в Уфе и Петербурге. Среди них: «Созвездие Эвридики», «Древо жизни», «На восходе грозы», «На раскопках Энка». Соавтор двух поэтических сборников. Сотрудник газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Секретные материалы XX века». Участница АСУП-1. Живет в Санкт-Петербурге.

Филологическая маркировка стихов С.Х.

Традиции, направления, течения: постмодернизм, неомодернизм.

Основные имена влияния, переклички: Б. Пастернак, О. Мандельштам, И. Бродский, О. Седакова.

Основные формальные приемы, используемые автором: стилизация под средневековую поэзию, аллегория, метафора, зооморфная метафора, литературная аллюзия, эпический стих, психологический параллелизм.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: карнавализация артефактов античной культуры и искусства, творческое переосмысление средневековых немецких легенд, тема творчества, искусства, поэзии; рекуррентные мотивы, библей-

ские мотивы, мотив обретения свободы; образы – Гефсиманский сад, художник, язык, поэт, палач, тиран, образ города (Карфаген, Рим, Ленинград), восприятие настоящего времени как переломной эпохи, периода зарождения мифов; время – категория бытия, уравнивающая смертью абсолютно всех.

Творческая стратегия: мифотворчество в тексте; особое внимание уделяется разыгрыванию и осмыслению вечного литературного сюжета «поэт и палач».

Коэффициент присутствия: 0,1.

С. Х. О СЕБЕ

(источник: сайт «Медиакорсет»;
<http://www.mkset.ru/news/music/11303/>)

Где находился в Уфе Дом печати – знали в 80-х годах все уфимцы: между Центральным рынком и сельхозинститутом. Именно там располагались редакции всех республиканских изданий (разумеется, государственных, поскольку иных в те времена не было). Но было в Доме печати и заповедное местечко, в котором журналисты имели право на некоторые вольности в стиле жизни и творчества, и, конечно же, традиционно такие «вольности» допускались именно в газете для молодежи, носившей традиционное для тех времен название «Ленинец». Позже, уже в 96-м году, заштампованное и «идеологизированное» название сменили на «Молодежную газету», однако к тому времени это уже было просто констатацией свершившегося факта: старая идеология перестала диктовать свои условия реальности. Но и бороться с «проклятым наследием советской идеологии» к тому времени уже тоже не имело смысла. Новое время принесло новые горести и разочарования. Но это, как говорится, уже совсем другая история...

Поэт в газете больше, чем поэт

Что же касается лично меня, то впервые я переступила порог редакции «Ленинца» еще школьницей. Классе в восьмом, наверное. Принесла в редакцию свои стихи. Там в отделе учащейся молодежи работали Галя Карпусь и Света Гафурова (она тогда носила фамилию Амосова – по мужу), которая, кстати, была дочерью старого друга моего отца. Однако, несмотря на «семейное знакомство», в тот раз мои стихи не напечатали. Но Гафурова (сама еще очень молодой журналист) просто как-то поощрительно упомянула в своей статье мой визит в редакцию, не называя имени. Странно, но почему-то в моей школе это кто-то

прочитал и понял. Однажды на уроке с задней парты мне прислали карикатуру на меня, давая понять, что гафуровскую статью читали, и о ком там идет речь – тоже поняли...

Несмотря на обиду, через год я вновь переступила порог редакции. И тогда Карпусь решила меня «припрячь» в юнкоры – в общем, обычная газетная практика тех лет. О школьной жизни должны писать сами школьники (вообще-то вполне справедливое мнение). Так были опубликованы мои первые заметки. И в возрасте 15 лет я получила первый в своей жизни гонорар – настоящий журналистский заработок, которым, впрочем, не очень гордилась, считая, что писать стихи – куда более достойное дело, чем анализировать «проблемы школьной жизни». Впрочем, через несколько месяцев в «школьной страничке» начали печатать и некоторые мои стихи.

Где-то в это же время меня и пригласили участвовать в работе молодежного литературного объединения при «Ленинце», которое заседало два раза в месяц по средам в малом зале на втором этаже Дома печати. Сначала им руководил писатель Рим Ахмедов, но вскоре руководителем стал поэт и публицист Рамиль Хакимов (к сожалению, ныне уже покойный), очень много сделавший тогда для продвижения молодых русскоязычных поэтов в Башкирии. Издать книгу молодому поэту тогда было практически невозможно, однако Хакимов умудрился «пробить» издание совместной «кассеты» – нескольких тоненьких сборничков под одной обложкой, которая, правда, учитывая все долгие бюрократические согласования и очереди в издательстве, увидела свет лишь в 1985 году.

Атмосфера в литобъединении всегда была дискуссионной. Мы обсуждали рукописи друг друга и встречались с гостями, которых приглашал на заседания Рамиль Гарафович. Дискуссионная, живая обстановка тех встреч была по тем временам относительной редкостью, и, наверное, уже тогда на нас дохнуло грядущей «оттепелью»... Впрочем, история литобъединения при «Ленинце» – это уже тоже история совсем другая.

Опущенные сверху

Что же касается работы в самой редакции, то в качестве корреспондента на гонораре я была уже официально принята туда в мае 1984 года. Впрочем, скажу сразу: работа не казалась мне интересной и привлекательной. Идеологические «шоры» были тогда слишком заметны для многих. Всеобщее ограничение гласности по принципу «туда нельзя, сюда нельзя, про это надо писать так, а про это вот так» чувствовалось нами, молодыми журналистами, слишком остро. И тогда я с некоторым облегчением для себя перешла на работу машинисткой. Это случилось за полгода до

декретного отпуска (тогда я готовилась родить своего единственного сына – он появился на свет в июне 85-го).

Весной 85-го года, когда к власти в стране уже пришел Горбачев, в Уфе грянула знаменитая история, имевшая позже большую огласку. О том, что в нашем городе есть такой андеграундный бард и рокер Юра Шевчук, я краем уха слышала от друзей и знакомых, но близко с его творчеством не была знакома. Но однажды, придя утром на работу в машбюро, обнаружила рядом со своей машинкой правленный текст, который надо было перепечатать набело – это был текст ставшей позже очень известной статьи «Менестрель с чужим «голосом». Прочитав текст, я была поражена его кондовым стилем – от этих листков слишком дурно пахло откровенной травлей в стиле сталинских времен. Стало неприятно и жутковато: куда мы идем, если у нас снова вот так? В машбюро зашел Йося Гальперин, наш ответственный секретарь (я хорошо знала его по литобъединению, у нас должна была издаваться совместная книжка), и угрюмо сказал: «Вот это надо перепечатать в первую очередь...» Ну а отношения у нас с ним были вполне дружеские, мы друг друга понимали. Так что смотрю я на него и говорю: «Йось, не хочу я это печатать сама...» Он понял с полуслова. Кивнул, взял тот текст брезгливо двумя пальцами и отнес в секретариат другой машинистке. В общем, у нас тогда в редакции все как опущенные ходили – понятное же дело, что статья «спущена сверху». Тут же в приказном порядке было велено кого-то «обличать» – вот и все. А что сама-то редакция могла поделывать?

Через месяц вышла еще одна обличительная статья про Шевчука под названием «Когда срывается маска». В городе очень многие были возмущены, об этом ходило много разговоров, в редакцию шли письма протеста... Однако я в это время просто готовилась стать молодой матерью, даже не зная, что каждый день прохожу мимо дома того самого Юры Шевчука. И лишь позже оказалось, что мы с ним жили в соседних кварталах.

Лицом к толпе лица не увидеть

Два года спустя, когда сын уже подросток, я вернулась на работу корреспондентом в ту же редакцию, атмосфера в которой уже сильно начала меняться. Все ждали перемен и овладевали «эзоповым языком» начальной гласности. Перестройка шла полным ходом, хотя Уфа в этом смысле была достаточно консервативным местом. Уфимские чиновники относились к веяниям гласности весьма осторожно, хотя столичные журналисты уже вовсю козыряли на всю страну отчаянной смелостью суждений.

Не знаю почему, но «реабилитацию» опального уфимского рокера Юрия Шевчука в редакции

С.Х. в 80-е гг.

тогда решили поручить именно мне. Вообще-то проблемами молодежной музыки в отделе культуры занималась Гульчачак Ханнанова. Но на такую «опасную» тему решили бросить меня. Еще весной того же года кассету с подпольной записью шевчуковского альбома «Время» мне давал послушать наш юнкор – позже известный в стране тележурналист Вадим Челиков, а тогда всего лишь желторотый десятиклассник, пишущий, как и я когда-то, «о проблемах школьной жизни».

А «заведовавшая музыкой» Гуля Ханнанова, получая в адрес своего отдела очередное гневное письмо читателя на тему «Вы Шевчука оклеветали, а в Ленинграде его признали!», вздыхала и говорила мне: «Хвостенко, пиши скорее, а то я больше не могу читать эти письма...»

Кажется, тогда я представила нашему редактору Марату Абузарову (тоже ныне покойному) не менее четырех вариантов «реабилитационной» статьи про Шевчука. Но редактора эти варианты никак не удовлетворяли, и он отправлял меня заново переписывать материал. Ведь там как-то нужно было и «идеологию соблюсти», и читателей успокоить, и на неприятности не нарваться... В общем, сложное положение нашего редактора можно понять. В конце концов, некий «дискуссионный» вариант моей статьи Марат одобрил, но дал ей глупое, на наш взгляд, название «На поводу у толпы или лицом к ней?». И все-таки мы с Ханнановой пошли на собственную вольность – в день верстки материала редактор и его зам. Дима Ефремов как-то дружно уехали в командировку, так что мы явочным порядком поменяли заголовок на мой прежний: «Время не любит плевков и лести» (цитата из Юриной песни). Материал вышел 10 октября 1987 года под псевдонимом «М.

Ланина». Это был тогда мой постоянный псевдоним – просто в редакции не было принято два материала в одном номере подписывать одним именем. А на той же странице уже публиковалась другая заметка под моей настоящей фамилией. Впрочем, мы все прекрасно знали, что «где надо» настоящее авторство прекрасно известно, так что спрятаться за псевдонимами от репрессий было бы нереально...

Школа гласности

Вообще-то в редакции, да и во всем городе, все тогда немного трусили: а что будет дальше? Имя «страшного диссидента» Шевчука до того момента вообще в Уфе было под запретом. Но, как ни странно, никаких «репрессий» не последовало. После выхода этой статьи я пошла знакомиться и с самим Юрой Шевчуком, и с его семьей. Эта история положила начало нашей долгой дружбе, которая нынче, к сожалению, разбита не только нашими личными непониманиями, но и многими странными обстоятельствами, сложившимися вокруг нас. И я думаю, что эти обстоятельства тоже в свою очередь когда-то должны будут стать известными людям...

Но и это тоже, как говорится, будет совсем другой историей.